

иногда в комсомольские и партийные организации, предполагают улучшение массовой работы этих организаций, улучшение их состава.

Объединенный пленум одобрил решение Политбюро о *чистке партии от ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов.*

Каждый коммунист должен не только на словах принимать генеральную линию партии, но и отстаивать ее в своей повседневной практической работе, знать программу и тактику партии, проводить в жизнь ее решения, на деле бороться со всяким оппортунизмом и с правым оппортунизмом, как главной опасностью, на деле разоблачать обманщиков и изменников партии, соблюдать и укреплять *железную большевистскую дисциплину.*

Мы стоим на рубеже второй пятилетки. Радикально преобразилось лицо нашей страны. Первая пятилетка в четыре года выполнена. Но враг не добит еще внутри страны. Оголенные империалистические клики за границей еще не отказались от своих интервенционистских происков. Еще теснее сплотить свои ряды вокруг ленинского ЦК и *наступать дальше, закрепляя завоеванные позиции, решительную критикуя и преодолевая находу все недочеты, неполадки, элементы бюрократизма и бесполовщины, очковтирательство, аллилуйщины, улучшая конкретное руководство на всех участках своего продолжающегося наступления, на всех участках социалистической стройки, добивать остатки врага, разоблачать и выбрасывать из своих рядов его агентуру*—такова задача партии.

„Итоги пятилетки показали, что партия непобедима, если она знает, куда вести дело, и не боится трудностей“.
(Сталин).

Спиноза и диалектический материализм.

Д. Пронин.

(Доклад, прочитанный в Ин-те марксизма-ленинизма в связи с 300-летием со дня рождения Спинозы).

Имя Спинозы бессмертно, так как его учение стоит на широкой столбовой дороге, которая ведет к марксизму-ленинизму. Нельзя понять гениальности Маркса, оторвав его взгляды от идейного наследства прошлого. „Его учение возникло, как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма“. (Ленин, соч., т. XVI, 349). Спиноза в XVII веке является представителем материализма, развиваемого и углубляемого впоследствии Марксом, того материализма, о котором Ленин писал: „В течение всей новейшей истории Европы и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной, последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п.“ (Ленин, соч., т. XVI, 350)

1.

Борух Спиноза родился 24/XI 1632 г. в Амстердаме в семье зажиточного купца. Учился он в еврейской религиозной школе, уже здесь получив, кроме знания богословия, и то отвращение к средневековой схоластике, ложной учености, ханжеству и лицемерию, которое роднит его с выдающимися людьми эпохи—Бэконом, Декартом, Гоббсом и др. В поисках истинного знания,

Спиноза поступил в кружок врача-вольнодумца Ван-ден-Эндена, впоследствии повешенного во Франции за участие в политическом заговоре. У Ван-ден-Эндена Спиноза изучал латинский язык, математику, естествознание и медицину. В своем увлечении естествознанием он идет в ногу с веком, так как в это время в Голландии и Англии, как и позднее во Франции, естествознание и медицина были не только важным элементом образования передовых людей, но и модой, предметом салонных разговоров. Даже в великосветском обществе встречались оригиналы, о которых Грибоедов писал для России 20-х годов XIX столетия:

— Он и химик, он—ботаник
Князь Феодор—наш племянник.

Среди врачей и естествоиспытателей XVII и XVIII вв. встречались крупнейшие философы (Леруа, Кабанис, Ламетри и др.).

В 1656 г. Спиноза за отступничество от религии был проклят еврейскими раввинами и, порывая с семьей, до конца жизни ведет скромную жизнь ремесленника, зарабатывая средства к существованию шлифовкой оптических стекол. Вероятно, в духе буржуазной менцанской морали написаны первые биографии Спинозы, рассказывающие о его непритязательности в жизни, любви к независимости и презрению к превратностям судьбы. В угоду обывателям буржуазные историки философии изображают Спинозу христианским отшельником, человеком, который „стоит совершенно *изолированным* одиноким и покинутым, как в своем мышлении, так и в своей жизни“ (К. Фишер). Спиноза безусловно обладал возвышенностью характера. Этого не смеют отрицать даже его враги. Невместе с тем он был человеком своего времени, того времени, о котором Энгельс писал в „Диалектике природы“, что оно нуждалось в гигантах и породило гигантов, „гигантов учености, духа и характера“ (стр. 26). При жизни Спинозы напечатаны лишь два его сочинения: „Принципы философии Декарта, доказанные геометрическим способом“ (1663 г.) и „Политико-богословский трактат“ (1670 г.). Этот трактат смелой критикой Библии напугал даже друзей Спинозы, не говоря уже о понах, которые до сих пор видят в этой „ужасной“ книге и ее авторе „чудовищное орудие дьявола“. Главный труд закончен Спинозой в 1665 г. и имеет следующее характерное название: „*Этика, изложенная геометрическим методом и разделенная на пять частей, в коиъ рассуждается, 1) о бозе, 2) о природе и начале души, 3) о начале и природе аффектов, 4) о рабстве человеческом или о силе аффектов, 5) о власти разума или о человеческой свободе*“. „Этика“, как и другие сочинения Спинозы: „Краткий трактат“ „Трактат об очищении интеллекта“, „Политический трактат“, вышли уже после смерти философа в декретом Нидерландских штатов от 25/VI 1678 г. были запрещены, как „содержащие кощунственные и безбожные учения“. Умер Спиноза 20/II 1677 г. от туберкулеза.

Враги материализма и безбожия около ста лет „третируют“ Спинозу, как „мертвую собаку“ (выражение Лессинга). А, начиная со второй половины XIX века, пытаются переделать последнего в идеалиста и мистика. Поворот буржуазной философии в 60-х годах прошлого столетия к идеализму (лозунг „Назад к Канту“) знаменуется целым потоком лжи и площадной брани по адресу материализма и защиты мелкого и пошлого идеализма, как его называет Ленин в статье „Марксизм и ревизионизм“. В настоящее время всеобщего кризиса империализма буржуазная наука и философия все более и более погружается в волны мистики. Идеализм торжествует, во не без фальсификации в области истории философии. Такие крупные материалисты, как Спиноза, канонизируются, причисляются к лику святых, идеалистов и мистиков и, таким образом, обезвреживаются. Этот буржуазный хлам повторяют между прочим механисты, напр., Аксельрод-Ортодокс.

Последняя пишет: „Видно и чувствуется, что культ иеговы, в котором воспитывался Спиноза, прочно овладел душой великого философа. Центральная мысль иудаизма, что цель жизни и высшее верховное благо есть *служение и любовь к богу, не оставила мыслителя-атеиста*“ (Аксельрод-Ортодокс. В защиту диалектического материализма. 1928 г., стр. 7. Курсив мой).

История со Спинозой является ярким примером классовой борьбы в философии. Вражда и ненависть к его учению также, как и попытки его канонизировать, одинаково представляют собой выражение этой борьбы. Наша задача, в противоположность буржуазной философии, состоит в том, чтобы отделить то, что есть

бессмертного в философии Спинозы от теологического старья, имеющегося у него, предоставив торговлю этим старьем буржуазной философии.

Мы также должны решительно бороться с механицизмом и меньшевистствующим идеализмом, не критически принимающим взгляды предшественников марксизма, выдавая их за марксизм, или же отказывающихся от идейного наследства этих последних и тем самым помогающих буржуазии утверждать о марксизме, как „вредной догме“.

II.

Учение Спинозы является продуктом формирования буржуазного общества и отражает интересы эпохи, „вписанной, по словам Маркса, в летопись истории огнем и мечом“. Начало этой эпохи лежит в крестовых походах на Восток, высшее завершение — в ранних буржуазных революциях: Нидерландской (XVI в.), Английской (XVII в.) и Великой Французской революции (XVIII в.).

Буржуазная культура Возрождения, Ренессанса отражала развитие буржуазии и ее борьбу с феодальным дворянством и средневековой рыцарской и религиозно-церковной идеологией. Как глубоко шел разрыв с средневековыми формами сознания — это зависело от многих причин. В XVII веке оно глубже в Голландии, которая была „самой образцовой капиталистической страной XVII столетия“, „образцом капиталистической мануфактуры в собственном смысле слова“ (Маркс. Капитал, т. 1, 1931 г., стр. 288, 603). В Голландии в 1588 г. происходит буржуазная революция, окончательно утвердившая здесь буржуазный порядок к середине XVII столетия. В условиях буржуазной республики, представлявшей известную свободу мысли и возникает венец философского развития XVII века — учение Спинозы.

В чем же сущность этого учения?

Еще Энгельс, разделяя философов на два лагеря, писал: „Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, принадлежат к различным школам материализма“ (Энгельс, Людвиг Фейербах, 1928 г., стр. 41—42).

Спиноза, несомненно, принадлежит к материалистам, так как основным началом, из которого он исходит, является природа, несмотря на то, что она одета в теологический парад и величается богом (Deus sive natura, то есть бог или природа). По остроумному выражению Шопенгауэра, Спиноза называет природу богом так же, как Руссо называл народ князем.

Рассматривая природу в качестве основного начала своей философии, Спиноза разделяет общий интерес науки и философии эпохи Возрождения, направленной на изучение природы. Корни этого интереса лежали глубоко в экономическом развитии эпохи. „Если после темной ночи средневековья, писал Энгельс, заново вдруг возрождаются с неожиданной силой науки, начинающие развиваться с чудесной быстротой, то этим чудом мы... обязаны производству. Во-первых, со времени крестовых походов промышленность колоссально развилась... Можно сказать, что собственно систематическая экспериментальная наука стала возможной лишь с этого времени. Во-вторых, вся Западная и Центральная Европа, включая Польшу, развивается теперь во взаимной связи, хотя Италия, благодаря своей старинной цивилизации, продолжает стоять во главе. В третьих, географические открытия, произведенные в погоне за барышом, то есть в конечном счете, под влиянием интересов производства, доставили бесконечный, до того недоступный, материал в области метеорологии, зоологии, ботаники и физиологии (человека). В четвертых, появился печатный станок“. (Энгельс. Диалектика природы. 48—49). В „Переписке“ Спинозы мы находим богатый материал для иллюстрации увлечения естественными науками выдающихся людей XVII века. В „Переписке“ говорится об опытах и наблюдениях, о занятиях химией, анатомией и медициной, о горном деле, определении широт и долгот и пр.

Бурно растущая капиталистическая промышленность предвляла свои требования, особенно в области техники („механических искусств“ на языке того времени). Мануфактура, покоящаяся на узком базисе ремесла, не успевала за расширяющимся рынком. Отсюда техническая проблема является одной из основных для всего XVI и XVII веков. Особенного развития, основанного на производстве в XVI—XVII в. (постройки городов, военного и судоходного дела) достигают математика, механика и отчасти физика. В этом развитии „очень важную роль отмечает Маркс, сыграло спорадическое применение машин в XVII столетии“.

так как оно дало великим математикам того времени практические опорные пункты и стимулы для создания современной механики" (Маркс. Капитал, I, 1931 г. стр. 262—263*).

В математике Спиноза ищет новых методов философского мышления. Его увлечение математикой отразилось даже на заглавиях его сочинений „Принципах Декарта“ и „Этики“, взложенных *геометрическим методом*. Спиноза охотно прибегает к образцам и сравнениям, взятым из этой науки.

Основными категориями в учении Спинозы являются категории субстанции, атрибута и модуса. „Под *субстанцией*, пишет он, я разумею, то, что существует в себе и представляется само по себе, то есть то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться“.

„Под *атрибутом*, продолжает он далее, я разумею то, что разум представляет о субстанции как бы нечто, составляющее сущность ее“ И наконец, под *состоянием* (*модусом*, *modus*) я разумею видоизменения (*affectionis*) субстанции или то, что есть в другом, посредством чего оно также представляется“ Спиноза. „Этика“, пер. Модестова. 1904, стр. 1).

Важнейшее положение учения Спинозы о субстанции заключается в попытке *объяснить* последнюю *из нее самое*, представить как *причину своего существования* (*causa sui*). Иначе говоря, Спиноза пытается объяснить природу с точки зрения законов самой же природы, не прибегая к премудрости творца и создателю вселенной, то есть богу. Энгельс отметил. „Нужно считать огромным достоинством и честью тогдашней философии, что она не поддавалась влиянию ограниченной точки зрения тогдашнего естествознания, что она, *начиная от Спинозы* (курсив мой—Д. П.) и кончая великими французскими материалистами,—настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, представив детальное оправдание этого естествознания будущего (Энгельс. Диалектика природы, 113).

Спиноза отвергает и существование двух субстанций, преодолевая в этом отношении дуализм бога и мира, тела и души Декарта, учение которого оказало на него самое непосредственное влияние. Учение о *causa sui* Спинозы является блестящим образцом диалектической постановки вопроса.

Как мы уже упоминали, субстанцию Спиноза называет богом, или природой. Если к этому добавить, что он ее наделяет бесконечным количеством атрибутов, бесконечностью, всемогуществом и совершенством и пр., то Спиноза сам дал достаточно поводов для толкования вкривь и вкось его взглядов. Этому способствует и та громоздкая логическая машина средневековой схоластики и математической дедукции, в броню которых закована его система. Ряд буржуазных философов знаменитое положение Спинозы—*Deus sive natura* толкует как пантеизм. К идеалистическому истолкованию субстанции склоняются и механисты (Аксельрод-Ортодокс, Цейтлин).

„Какой абсурд утверждают, восклицает Аксельрод „В защиту диалектического материализма“, стр. 28) и определяет далее субстанцию, как „верховный, абсолютный закон“. Механисты запутывают вопрос о двух основных направлениях в философии. Деборинская группа, отождествляющая спинозизм с марксизмом, под субстанцией склонна рассматривать материю в философском смысле слова (Тымянский). Более правильно определяли учение Спинозы, как материализм и атеизм, его современники. Затем в 40-х г. XIX ст. Фейербах находил, что „Тайна, истинный смысл спинозизма, есть природа“. Он же указал и на непосредственность Спинозы, величавшего природу богом. Для Фейербаха это было неясностью, каким-то „мистическим, земноводным гермафродитом“. Он требовал замены *Deus sive natura* иным положением *aut Deus, aut natura*, то есть или бог, или природа.

Плеханову принадлежит заслуга реабилитации материализма Спинозы, вопреки общему хору голосов о том, что он идеалист и мистик. Но Плеханов сам сделал грубейшую ошибку, превращая марксизм в род спинозизма, принимая без достаточной критики некоторые положения Спинозы (например, о всеобщем одушевлении материи). Он повторил в общем Фейербаховскую характеристику Спинозы (см. его соч. т. XI, стр. 19—20, т. XVIII, стр. 188—189 и др.), не дав глубокой оценки философии Спинозы, которую дал Маркс,

говоря о субстанции последнего как „*метафизически переодетой природе с ее оторванности от человека*“. Ниже мы остановимся на этих словах Маркса.

Учение Спинозы об атрибутах еще более убеждает в материальности его субстанции: последней принадлежит, как утверждает он, бесконечное множество атрибутов, из которых нам известны два: протяженность и мышление. Таким образом, становится несомненным, что под теологической оболочкой у Спинозы скрывается природа.

В учении о субстанции заключается и один из главных недостатков учения Спинозы: у его субстанции отсутствует такой атрибут как *движение*, благодаря чему природа в своей сущности остается вневременной, немой, застывшей, неподвижной. Движение сводилось Спинозой к механическому движению, то есть к перемещению тела в пространстве, отнесено к модусам. Отсюда получается разрыв между природой создающей (*natura naturans*), то есть субстанцией и атрибутами и между природой созданной (*natura naturata*), то есть модусами. Отчасти и сам Спиноза чувствовал этот недостаток своего учения. Так, в письме к Чпрнгаусу за год до смерти он пишет: „Вы спрашиваете меня, можно ли из одного понятия протяжения a priori доказать разнообразие вещей. Полагаю, что я уже достаточно ясно показал, что это невозможно и что поэтому материя плохо определена Декартом через протяжение, но что она необходимо должна быть объясняема (*explīcari*) через (такой) атрибут, который бы выражал вечную и бесконечную сущность“. А далее Спиноза сознается, что он „до сих пор не имел возможности привести в надлежащий порядок то, что имеет отношение к этому вопросу (Спиноза, „Переписка“, 1932 г. стр. 229). Спинозу, как видно из только что приведенного письма, не удовлетворяет Декартово отождествление материи с протяженностью. Он идет дальше Декарта, делая протяженность лишь одним атрибутом материи— субстанции наряду с другим атрибутом— мышлением. Но из этих двух атрибутов нельзя понять возникновения вещей. Неудовлетворительным являются и те логические приемы, на основании которых Спиноза приходит к своим положениям. Например доказательство существования вечности, простоты субстанции Спиноза выводит из совершенства последней, подобно тому как в средние века существование бога выводили из понятия совершенного существа (онтологическое доказательство бытия бога). Выводить существование субстанции из понятия ее совершенства, конечно, невозможно и является чистейшим идеализмом. „Формы бытия мышление никогда не может почерпать и выводить из себя самого, а только из внешнего мира... Принципы не исходный пункт, а его заключительный результат“. (Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. XIII, 33).

Материализм Спинозы нужно принимать вопреки его способу обоснования. Выведение всех положений своей философии из нескольких аксиом и постулатов по образцу математики (геометрический метод) является мнимым. Ленин читая „Науку логики“ Гегеля, отметил в своем „Конспекте“:— „Спиноза и Шеллинг дают в своих дефинициях массу спекулятивного, но в форме простого уверения, философия же должна все доказывать и выводить, а не ограничиваться дефинициями“ (Ленинский сборник, IX).

Вся дедукция спинозовских построений дает лишь видимость доказательств, сбивается в идеализм и схоластику, с которыми Спиноза борется. Противоречивые формы и содержания, обуславливающего ряд недостатков в учении Спинозы, объясняется переходным характером и ограниченностью той эпохи, к которой он принадлежит. Его ошибки не являются только терминологическими, как думает деборинская группа, но они также не дают права причислить Спинозу к идеалистам, к чему весьма склонны механисты.

Материализм Спинозы является метафизическим-механическим материализмом, как и весь материализм XVII и XVIII века. Этот механический метафизический характер его выражал, с одной стороны, интересы буржуазии, мыслящей „вечными категориями“ (Ленин), а с другой, уровень развития тогдашнего естествознания. „Что особенно, по словам Энгельса, характеризует рассматриваемый период, так это—образование известного цельного мировоззрения, центром которого является учение об *абсолютной неизменности природы*“ (Энгельс. Диалектика природы. III). Вечность солнечной системы, вечность видов и „свойств“ человеческой природы, таковы наиболее характерные черты этого мировоззрения. Философия Спинозы была метафизической в полном смысле

этого слова, то есть и как метод мышления, и как спекулятивная умозрительная философия.

Главной чертой метафизического взгляда на мир является отсутствие идеи развития, характерное для Спинозы, так же как и для всей философии и естествознания XVI—XVIII вв. Субстанция Спинозы, являясь причиной самой себя, является так же причиной конечных вещей. Однако, если изменения этих конечных вещей (явлений природы) совершаются в силу внешних причин (источник движения у Спинозы как и всех механистов лежит во вне), то субстанция, согласно ее определению, не может быть внешней причиной явлений. „Бог есть причина всех вещей постоянная (имманентная), а не преходящая“ („Этика“. Теорема 18). „Из бесконечности существа бога“, пишет Спиноза, „все прочее произошло необходимо или вечно, вытекающая с необходимостью также, как из существа треугольника от века следует, что его три угла равны двум прямым“ (Этика. Схема к XVII теореме). Субстанция Спинозы неподвижна. Она лежит под многообразием явлений природы, как никогда не оттаивающая земля на крайнем севере. Этот недостаток ее отмечали Гейне, Фейербах, Гете и Маркс.

Блестящую критику системы Спинозы, особенно в вопросе о движении, дал английский философ материалист Толанд (1670—1722), показавший, что нельзя объяснить многообразия мира, не признавая движения атрибутом материи. „В голом протяжении“ писал он, не заключается никаких признаков разнообразия и никаких причин изменчивости“ (Толанд. Избранные сочинения, стр. 48).

Несмотря на метафизический характер, учение Спинозы о причинности имело громадное значение в истории философии. Утверждая, что „все происходит по законам природы“ („Богословско-политический трактат“, 1906 г., стр. 66), Спиноза изгоняет из природы всякое чудо, вмешательство сверхестественных сил и пр. В своем утверждении о естественном порядке, он идет впереди науки своего времени, которая „все еще глубоко сидела в теологии“ (Энгельс. Диалектика природы, 112). „Высшая всеобщая идея естествознания рассматриваемого периода“, пишет Энгельс, — „это мысль о целесообразности естественных процессов, плоская вольфовская теология, согласно которой кошки были созданы, чтобы пожирать мышей, мыши — чтобы быть пожирасмыми кошками, а вся природа, чтобы доказать мудрость творца“ (Там же, 112). Критику этой теологии и дал Спиноза, при чем он дал ее на двести лет раньше, чем (Дарвин) в „Происхождении видов“, 1859 г.), и в этом его величайшая историческая заслуга.

Метафизический способ мышления не позволил последовательно разрешить Спинозе и проблему физического, и духовного. Рассматривая протяженность и мышление, как атрибуты одной субстанции природы, он выступает, как материалист, но для него „духовное“ не есть исторический продукт материи, а вечное свойство, присущее в известной степени всякой материи. Для диалектического материализма эта точка зрения неприемлема.

„Материализм“, пишет Ленин, „в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи“ (органическая материя) и в „фундаменте самого здания“ материи можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением“. (Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. XII, 37).

Учение Спинозы о протяженности и мышлении, как вечных атрибутах субстанции буржуазная философия стремилась истолковать в духе психофизического параллелизма (Нетцольд и др.), то есть дуализма. К признанию психофизического параллелизма у Спинозы склоняются и механисты, благодаря отождествлению материи с протяженностью, хотя против такого отождествления возражала сам Спиноза (в „Перепяске“ например).

Принцип, благодаря которому все представляет сцепление причин и следствий, приводит Спинозу к строгому детерминизму — отрицанию случайности и свободы воли. В письме к Чирнгаусу он пишет: „Я признаю вместе с Вами, что мы во всех делах детерминируемся к чему-нибудь той или другой определенной причиной и, следовательно, что мы не имеем никакой свободы воли“. Там, где Спиноза говорит о свободе, он имеет в виду другое — вещь, которая существует и действует только по необходимости своей природы, а не в силу внешней причины. В этом смысле он называет, например, свободной субстанцию, так как она является *causa sui*. Свободу человека, а вместе с тем идеал мудреца, Спиноза видит в сознании необходимости. В определении свободы как познанной

необходимости, Спиноза приближается к диалектической постановке вопроса свободе и необходимости. Быть свободным, утверждает он, значит действовать по законам природы (они же и законы разума).

Детерминизм Спинозы приводит к фатализму, созерцательному взгляду на мир, в чем Маркс видел „главный недостаток всего предшествовавшего материализма—до Фейербаховского включительно“.

В вопросе об отражении реального мира в нашем сознании Спиноза стоит на материалистической позиции. Но, если английский материализм в теории познания исходил из эмпирического опытного познания, то Спиноза вслед за Декартом является рационалистом. Развитие эмпиризма в одних случаях и рационализма в других зависело, как нам кажется, в XVII в. от степени развития промышленности и связанного с ней развития опытных наук.

В Англии эмпиризм находится в теснейшей связи с промышленностью, наиболее развитой в XVII веке. В этом отношении Англия превосходила и Голландию.

„История падения Голландии как господствующей торговой нации, отмечает Маркс, есть история подчинения торгового капитала промышленному капиталу“ (Маркс. Капитал, т. II, гл. 20) Здесь имеется в виду Англия. Кроме того, в основе рационализма лежит та вера в силу разума, то культ разума, который характеризует период буржуазных революций.

„Было решено“, пронизывает Энгельс, „что до настоящего момента мир руководился одними предрассудками и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума“... (Энгельс. Анти-Дюринг. 1924 г., стр. 12)... „которое было бы не чем иным, как идеализованным царством буржуазии“ (Энгельс. Там же).

Согласно Спинозе, как и другим просветителям XVII и XVIII веков, в теснейшей связи с разумом стоят священные принципы свободы и равенства (конечно, в буржуазном смысле этих слов).

В рационализме спекулятивный умозрительный характер философии Спинозы выступает особенно ярко, Спиноза как и Декарт, считая чувственный опыт низшим видом познания, идеи которого „не бывают ясны и отчетливы, но спутаны“.

Что касается разума, то он является вторым родом познания, а интуиция— третьим. „Познание первого рода есть единственная причина ложности, а второго и третьего есть необходимо истинно“ (Этика. Теорема XXI).

Критерием истины у Спинозы является согласие мышления с самей собой. „Какое мерило истины может быть яснее и вернее, как не сама истинная идея. Истина есть мерило и самого себя и себя“. Отсюда „все, что мы познаем ясно и отчетливо как принадлежащее к природе вещей, мы можем и в действительности утверждать о вещи“ (Спиноза. „Краткий трактат 1929 г. стр. 43). Рационализм Спинозы тесно связан с математикой, в дедукциях которой он усматривает процесс рождения истины, тогда как она на самом деле является лишь особым способом рациональной обработки эмпирического материала, но не более.

Маркс, давая гениальную характеристику спинозовской субстанции „как метафизически пореодетой природы в ее оторванности от человека“, указывает, прежде всего, на спекулятивный умозрительный характер философии Спинозы, на оторванность природы от конкретной жизни человека. Спиноза не только не знает роли практики в познании, но даже и чувственному опыту отводит он последнее место. Материализм в своем дальнейшем развитии отбросил этот спекулятивный умозрительный элемент метафизики Спинозы, продолжая учение последнего постольку, поскольку „метафизика XVII столетия, как писал Маркс, еще заключала в себе *положительное* земное содержание (Вспомним Декарта, Лейбница и др.). Она делала открытия в математике, физике и других точных науках“ (Маркс, Энгельс. Сочинения III, 155). Если у Декарта положительное земное содержание заключалось в аналитической геометрии, физике и пр., у Лейбница в интегральном и дифференциальном исчислении, то у Спинозы оно состояло в критике Библии, телеологического взгляда на мир и пр. Самый ближайший приемник философии Декарта, Спинозы и Лейбница— французский материализм XVIII в. повел решительную борьбу с спекулятивным умозрительным элементом названных философов.

Вопреки метафизики Спинозы (в смысле умозрительных спекуляций) французский материализм, опираясь на английскую философию XVIII в., особен-

но Декарта, провозгласил чувственный опыт единственным источником познания. Таким образом, французский материализм делает первый шаг к уничтожению разрыва между человеком и природой. Но лишь первый. Он не пошел дальше созерцательного отношения человека к природе. Для французского материализма, как и для Фейербаха, сущность человека является еще абстрактной. Только Маркс сделал следующий гениальный шаг, показав, что „в своей действительности она (сущность человека—Д. П.) есть совокупность общественных отношений“ (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, I, 201) и что единство общественного человека и природы дано в процессе человеческой *практики*.

Атеистические взгляды Спинозы, особенно критика Библии в „Политико-богословском трактате“ представляют собой выдающееся явление для XVII в. Спиноза кладет начало антирелигиозной литературе французских материалистов XVIII в. и *историческому методу* критики религии Фейербаха, Д. Штрауса и др. В своих сочинениях он борется с „духовной диктатурой церкви“, защищая „естественный свет“—разум против суеверия и невежества. „Атеизм Спинозы, будучи крайне смелым для XVII в., конечно, всецело стоит на позициях буржуазного атеизма. Только деборинская группа могла утверждать, что Спиноза объявлял религию, придерживаясь исторического материализма“ (Маньковский). Спиноза дальше буржуазного просветительства не идет. Он склонен, например, сохранять религию для черни. Это и понятно. „Народные массы в Голландии уже в 1648 г. более страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы.“ (Маркс. Капитал, I, 605).

Политические взгляды Спинозы защищают идеи буржуазного права (идея „естественного договора“), демократического устройства государства, идею „свободы“ против произвола и феодальной государственной и церкви.

III.

Изложив в общих чертах учение Спинозы, мы должны поставить себе вопрос: в каком отношении находится спинозизм к учению Маркса.

Механисты, как мы уже говорили, отрицают материальный характер субстанции Спинозы, плетутся в хвосте идеалистов. Или же идут по линии отождествления диалектического и механического материализма Спинозы.

Деборинская группа—объявляет марксизм родом спинозизма и обрабатывает Спинозу под Маркса. „Спиноза в XVII в. пишет, например, Тымянский, заложила основания для философии Маркса“ (Спиноза. Краткий трактат. Предисловие).

Еще дальше идет сам Деборин, провозглашая Спинозу провозвестником социалистического общества. „Общественный идеал Спинозы, говорит он, сближает его ныне с самым передовым классом современного общества—с пролетариатом“ (Деборин. Спиноза и марксизм. Летопись марксизма, III, 9).

В отождествлении марксизма с спинозизмом Деборин опирается на Плеханова, углубляя ошибку последнего. При чем, эта ошибка Плеханова и еще более деборинской группы, связана с извращением философской эволюции Маркса. Утверждение Плеханова, что марксизм является родом спинозизма, вытекает из общего положения, что марксизм есть род материализма XVII и XVIII в. в философии Фейербаха. В интересующей нас проблеме главная ошибка и заключается в том, что материализм XVII века берется за одну скобку, что неверно, так как она противоречит истории материализма, как ее изложил сам Маркс еще в „Святом семействе“.

В „Святом семействе“ Маркс, возражая Бауэру, что „спинозизм властвовал над умами в XVIII столетии“ утверждает обратное, что французские просветители XVIII века и особенно французский материализм ведет борьбу „против метафизики XVII столетия“ и против *всякой метафизики вообще*—против метафизики Декарта, Мальбранша, Спинозы и Лейбница“ (соч., т. III, 152—154).

Французский материализм заимствует „положительное“ земное ядро метафизики XVII в., но зато он и открыто борется против чисто умозрительных спекулятивных построений последней. Так „механический материализм примкнул к физике Декарта, в противоположность его метафизике“ (там же, 154).

Французский материализм борется с оторванностью природы от человека в философии Спинозы, обладая сам тем остроумием, плотью и кровью, кото-

рых нехватало у английского материализма, а тем более у Спинозы". Маркс писал о Святом семействе— „существуют два направления французского материализма. Одно берет свое начало от Декарта, другое—от Локка" (там же, 154).

И далее „как картезианский материализм приводит к естествознанию в тесном смысле слова, так и другое направление французского материализма приводит (от Локка—Д. П) непосредственно к социализму и коммунизму" (стр. 160).

Отсюда, Спинозу как нам кажется, нужно рассматривать прежде всего в той связи с марксизмом, которая ведет к диалектике естествознания и не случайно поэтому Энгельс говорит о Спинозе в „Диалектике природы".

Попытка деборинской группы связать учение Спинозы с социализмом и коммунизмом (при этом не утопическим, а прямо научным) совершенно ошибочна. Совершенно напрасно деборинская группа делает Спинозу выразителем народной оппозиции (Деборин) „подлинным революционером" (видевшим эксплуатацию масс (Вайнштейн).

Учение Спинозы вовсе не является „непосредственным выражением оппозиционного и революционного брожения среди мелкобуржуазных элементов Нидерландов XVII века...", получившего наследство „революционно-коммунистического движения" (Деборин. Введение Спиноза. ПЗМ № 2—3 за 1927 г., стр. 6).

Все это сплошной вздор.

Марксизм, как неоднократно указывал Ленин, возникает не в стороне от столбовой дороги мировой цивилизации. Но, будучи величайшим теоретическим обобщением революционного опыта рабочего класса всего мира, он стоит на ином идейном уровне, чем старый механический материализм, в частности Спинозы. К которому пытаются свести его механисты и меньшевистствующий идеализм.

Культура и кризис¹⁾.

„Во всех странах мира растет—медленнее, чем того следует ожидать, но неудержимо и неуклонно растет—число представителей науки, техники, искусства, которые убеждаются в необходимости замены капитализма иным общественно-экономическим строем и которых „страшные трудности" борьбы Советской России против всего капиталистического мира не отталкивают, не отпугивают, а, напротив, приводят к сознанию неизбежности борьбы и необходимости принять в ней сильное участие, помогая новому осилить старое". (Ленин, т. XXVII, стр. 275²⁾.

Для всех мыслящих, задумывающихся над происходящими событиями людей экономическая разруха, начавшаяся в 1929 году, подобно вспышке молнии, осветила роковой характер, который носит послевоенное капиталистическое общество.

¹⁾ Из вышедшей в Нью-Йорке брошюры Лиги профессиональных групп „Культура и кризис", подписанной 53 выдающимися писателями и критиками (Дос Пассос, Андерсон, Франк и др.).

²⁾ Статья „Культура и кризис" помещена в Литературной газете (февраль 1933 г.). Редакция „Каз. мед. журнала" приводит эпиграфом строки из письма В. И. Ленина американскому специалисту К. Штенкмецу. Дата письма—апрель 1922 г.